

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).043-073

Д.А. Ананьев

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX в. В АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Дается обзор основных англо- и германоязычных работ, посвященных проблемам аграрной истории Сибири XIX – начала XX в.; выявлены основные теоретико-методологические подходы, применявшиеся западными исследователями в изучении данной темы. В целом для работ первой половины XX в. был характерен «объективизм», поиск универсальных схем исторического развития (например, в рамках теорий «колонизации» и «модернизации»). В историографии последних десятилетий успехи российской «модернизации» поставили под сомнение Дж. Чэннон и С. Маркс. В русле теории «фронтiera» проблемы аграрной истории региона анализировали Д. Тредголд, Э. Доннелли, С. Бекер. Многие современные исследователи темы основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, этнокультурным аспектам колонизации, особенностям развития имперских окраин, что отражает общие тенденции развития западного сибиреведения.

Ключевые слова: историография; Сибирь; модернизация; колонизация; фронтier.

История Сибири на протяжении нескольких столетий привлекала внимание зарубежных исследователей. Признавая колоссальное экономическое и геополитическое значение региона, способствовавшего превращению России в сверхдержаву, они стремились объяснить, насколько успешным оказался опыт русской колонизации Сибири и каковы перспективы присутствия России в Северной Азии. Представления западных историков о причинах и целях «русской восточной экспансии» обусловили взгляд на ключевые проблемы социально-экономического развития Сибири в XVII–XIX вв. Так, сторонники концепции преимущественно мирного присоединения и освоения Сибири подчеркивали значение крестьянской колонизации, считали необходимым изучение проблем аграрной истории региона. Особое внимание при этом уделялось периоду XIX – начала XX в., когда приток крестьян-переселенцев в Сибирь стал особенно массовым.

Наиболее активно вопросы сибирской истории изучались в XX в., когда возникли специализированные исследовательские центры, резко возросло количество публикаций по истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, предлагались новые подходы к изучению темы, был накоплен значительный историографический опыт – в первую очередь исторической наукой США, Канады, Великобритании и Германии. Вместе с тем в XX в. для западных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем и в СССР была, как правило, сопряжена с множеством трудностей, зачастую непреодолимых. Ввиду ограниченности доступной источниковой базы многие выводы западных историков носили предварительный характер, требовали более основательной разработки. В настоящей работе предпринята попытка дать обзор ведущих англо- и германоязычных публикаций, посвященных указанной теме, а также выявить основные подходы западных исследователей к ее изучению.

В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, назы-

ваются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона.

В первой половине XX в. проблемы «крестьянской колонизации» Сибири освещались в трудах исследователей – выходцев из России (В. Клумберга [1], Х.-Ю. Серафима [2], А. Байкалова [3–4], А. Лобанова-Ростовского [5]). В 1950–1970-х гг. к изучению темы обратились британские и американские историки, рассматривавшие ее преимущественно с позиций теории «модернизации» (Х. Эллисон [6], Р. Дрю [7–8], Д. Казмер [9]). В американской историографии наиболее известной работой по истории сельскохозяйственного освоения Сибири остается монография Д. Тредголда, опубликованная в 1957 г. и посвященная массовым переселениям крестьян в пореформенный период [10]. По признанию самого автора, в своем исследовании он стремился в первую очередь провести сравнение между освоением Северной Америки и Сибири. Д. Тредголд соединил в своих теоретических построениях концепции «колонизации» и «модернизации» с элементами теории «фронтiera», предложенной в конце XIX в. Ф.Дж. Тернером. Для Д. Тредголда несомненно, что переселения крестьян в восточные регионы России во многом напоминали покорение американского Запада. В Сибири люди проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались куда большей гибкостью, чем в остальных регионах России. На примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регионов империи могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

В то же время Сибирь не знала некоторых явлений, характерных для американского «фронтiera». Взаимоотношения пришлого и коренного населения в Сибири были куда менее проблематичными, чем в Северной Америке, тем более что сибирские аборигены не были слишком воинственными и проживали, как правило, не в районах аграрного освоения. Стремление переселенцев обрести в далекой Сибири землю в определенной степени отражало кризис общинного землепользования с его трехпольным севооборотом в центральных и южных губерниях Европейской России. Растущая плот-

ность населения сделала эту систему устаревшей. Для российского крестьянства переселения имели двойной эффект: в европейских губерниях они послужили катализатором эффективного землеустройства, в Сибири – ярким примером стремительного роста сельскохозяйственного производства со всеми вытекавшими отсюда социальными и экономическими выгодами.

Впрочем, нехватка земли была не единственной причиной, побуждавшей крестьян покидать родные места. Как полагает Д. Тредголд, помимо земли миллионы крестьян искали свободы. Характеризуя итоги крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX в., американский историк пришел к выводу, что крестьяне смогли получить землю и свободу в больших масштабах, чем когда-либо ранее. В то же время он задался вопросом, можно ли говорить о развитии демократии и «индивидуализма» на примере сибирского «фронтiera» в рассматриваемый исторический период? На уровне сельских миров в Сибири существовала давняя традиция самоуправления, как и в Европейской России. Несмотря на то что сельская община как инструмент организации аграрного производства практически перестала существовать, сельский сход продолжал функционировать как орган демократии, при этом в Сибири, где не было поместного дворянства, в дела сельских миров власть почти не вмешивалась. Однако Д. Тредголд вынужден был признать, что демократия в смысле прямого народного участия в формировании властных органов так и не была в полной мере реализована.

Монография Д. Тредголда получила самую высокую оценку в западной историографии, например, в работах В. Конолли [11], П. Дибба [12], Т. Армстронга [13], Дж. Гибсона [14], Б. Андерсона [15]. В то же время концепцию Д. Тредголда критиковали советские историки, упрекавшие американского исследователя в стремлении «американизировать» Сибирь, доказать «преимущества буржуазных методов хозяйственного освоения», «ненужность» и «невозможность» революционного пути решения аграрного вопроса; отмечали идеализацию Д. Тредголдом переселенческой политики царизма, отрицание им процесса социального расслоения и разложения сибирской деревни и преувеличение значения географического фактора [16–19].

Так, Л.М. Горюшкин [20, 21] отметил, что Д. Тредголд фактически замалчивал земельное ослабление старожилов и аборигенов в процессе землеустройства и создания колонизационного фонда, тяжелое положение новоселов в Сибири, безземелье не приписанных крестьян, жестокую эксплуатацию переселенцев кулаками и произвол чиновничества, массовое возвращение переселенцев из Сибири. Вместе с тем Л.М. Горюшкин не отрицал известной специфики социально-экономического развития Сибири, особенностей социального облика сибирского крестьянства, некоторого сходства с колонистами США, более того, писал о преобладании в Сибири «фермерского» (американского) пути развития сельского хозяйства, что следует признать вполне созвучным с рядом положений монографии Д. Тредголда.

Вопросы аграрной истории Сибири затрагивались в работах обобщающего характера, посвященных аграрному развитию России в XIX – начале XX в. [22–25]. Их авторы также применяли различные варианты «ко-

лонизационной» и «модернизационной» теорий. Так, Б. Андерсон полагала, что крестьянские переселения были обусловлены не столько малоземельем или бедностью, сколько острым желанием мигрантов изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир. В этом исследовательница усматривала черты «современного (“модернового”) мировоззрения». Анализируя миграционные потоки, в том числе в Азиатскую Россию, Б. Андерсон установила наличие положительной корреляции между уровнем оттока населения и высоким уровнем грамотности, а также высокой долей населения, занятого в промышленности, что подтверждало ее гипотезу о роли фактора «модернизации». Напротив, переселения продемонстрировали устойчивую отрицательную связь с естественным приростом населения в регионе происхождения мигрантов, что опровергало доводы тех исследователей, кто считал главной причиной миграций демографические проблемы (перенаселение).

Вместе с тем анализ статистики переселений за 1885–1909 гг. показал, что в Сибирь все больше переселялись выходцы из малороссийских и белорусских губерний, столкнувшихся с проблемой перенаселения. Исследовательница была вынуждена признать, что с течением времени фактор грамотности утрачивал прежнее значение, тогда как фактор демографического давления становился все более существенным. При этом Б. Андерсон не уделяла специального внимания культурным и этническим различиям колонистов, которые, по-видимому, должны были нивелироваться в процессе «модернизационного развития».

В конце XX в. специальные исследования, посвященные особенностям аграрного развития Сибири в дореволюционный период, посвятили Дж. Чэннон, Э. Доннелли, С. Бекер. Так, сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований Дж. Чэннон обратился к теме, обозначенной Л.М. Горюшкиным как «вопрос об истоках сибирского варианта русской общины» [26. С. 6]. В своей статье «Региональные вариации общины (на примере Сибири)» [27] Дж. Чэннон справедливо отметил, что представления западных сибиристов о таком социальном феномене, как русская крестьянская община, базируются в основном на выводах и обобщениях, полученных в результате изучения сельских миров Европейской России. Опираясь в основном на выводы, полученные В.А. Александровым, Н.Н. Покровским [28], Л.М. Горюшкиным [21], М.М. Громыко [29], Н.А. Миненко [30], Дж. Чэннон попытался выявить особенности сибирской крестьянской общины, проследить ее эволюцию в XIX – начале XX в. и, в частности, понять причины возникновения переделной земельной общины.

В сущности, историк использовал теоретическую схему из статьи отечественной исследовательницы М.М. Громыко [29. С. 47], установившей «иерархию» крестьянских общин в Сибири. По наблюдениям исследовательницы, однопоселенческая община входила в сельскую крестьянскую общину, охватывавшую несколько близких населенных пунктов; последняя включалась в более обширную, административно выделенную низовую окладную единицу – сельское общество, которое в свою очередь входило в состав воло-

сти, являвшейся одновременно и формой территориальной крестьянской общины (волостной общиной). По мнению Дж. Чэннона, возникновение волости как «поземельной единицы» было продиктовано стремлением ее членов защитить земельные наделы, которые они считали своей собственностью.

В первой половине XIX в. правительство косвенно стимулировало развитие сельских общин в фискальных и административных целях. В этих условиях поземельные функции волостной общины постепенно передавались сельским общинам. К середине столетия именно они стали доминирующей формой общинного землевладения, вытеснив волостные общины, по крайней мере в Западной Сибири. Впрочем, в северных, наименее населенных и экономически неразвитых районах волостная форма сохранилась.

Дж. Чэннон отметил, что переход от «индивидуально-общинного» землепользования к «общинно-передельному» был связан не только с фискальной политикой и усиливающимся регулированием деятельности общин со стороны государства, но также с относительной нехваткой земли. В конце XIX в. правительство стало поощрять переселения в Сибирь и создавало институциональные инструменты передачи земли новопоселенцам; в то же время рост объемов производства товарной сельхозпродукции (например в сфере маслоделия), организованного с помощью сельских общин, приводил к сокращению площади сельскохозяйственных угодий, доступных для остальных крестьян. Относительная неравномерность распределения земельных владений в пределах общины приводила к тому, что на благополучные крестьянские хозяйства оказывалось все большее давление с тем, чтобы вынудить их уступить свою землю. В целом земельные переделы были обусловлены изменениями в соотношении между количеством обрабатываемой земли и численностью населения.

Вопросы, связанные с земельным переделом, решались на сельских сходах, которые также занимались множеством других дел, включая раскладку налогов и прочих обязательств. Изучение деятельности сельских сходов позволило историку сделать вывод, что община играла роль «буфера» между отдельными крестьянами и местным чиновничеством, а значит, и государством. «Миры» также регулировали порядок крестьянского землепользования, хотя степень их вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства варьировалась в зависимости от региона. Данный вывод Дж. Чэннона, в сущности, соответствует представлениям советских сибиреведов о «дуализме» общины [29. С. 44].

В сравнении с крестьянскими общинами Европейской России, в Сибири сельские «миры» осуществляли земельные переделы значительно реже, а «черные переделы» здесь практически не встречались. Сибирские переделы, скорее, напоминали частные земельные переделы (так называемые скидки-накидки), распространенные в нечерноземных областях Европейской России. По мнению Дж. Чэннона, главным препятствием на пути развития частного крестьянского землевладения оставались сохранявшиеся за государством права собственности и верховного распоряжения землей, хотя в начале XX в., особенно в ходе столыпинской ре-

формы, предпринимались некоторые шаги, призванные изменить сложившуюся ситуацию.

Историк подчеркнул, что изменения в данной сфере происходили медленно и сибирские крестьяне все же предпочитали полагаться на общину в деле распределения скудных природных ресурсов, нежели на институт частной собственности и механизмы рыночного перераспределения. Таким образом, работа Дж. Чэннона явилась редким для западной историографии примером исследования, в котором основное внимание уделялось не успехам «модернизации» и капиталистического развития сибирской деревни в XIX – начале XX в., а институтам традиционного общества и «феодально-крепостническим пережиткам».

Инвариантным фактором колонизационных процессов по обе стороны Уральских гор в схеме Дж. Чэннона представлена та всеобъемлющая роль, которую продолжало играть государство. В то же время историк признал, что Сибирь давала переселенцам больше возможностей и больше свободы (что близко к выводам Д. Тредголда), хотя специфика сибирской окраины сочеталась с традициями хозяйствования и землепользования, принесенными из Европейской России.

В отличие от Дж. Чэннона, американский историк Э. Доннелли апеллировал преимущественно к теоретическому инструментарию теории «фронта» или «подвижной границы» (*mobile frontier*). В статье, посвященной истории проникновения русских в Башкирию и Казахстан, Э. Доннелли подробно описал историю освоения территорий на границах Южной Сибири и Центральной Азии, объединенных в конце XIX в. в составе Степного генерал-губернаторства [32]. После того как русские колонисты оказались в районах традиционного проживания кочевников, некоторые поселенцы выучили казахский язык и легко общались с коренным населением. В свою очередь многие казахи начали вести оседлый образ жизни и занялись земледелием. В целом, как отметил Э. Доннелли, взаимоотношения между пришлым и коренным населением поначалу носили на удивление мирный характер, до тех пор пока приток русских не стал слишком велик и не вызвал обеспокоенность казахов. Данный вывод контрастирует с позицией многих современных казахстанских историков, пишущих, в частности, о конфликтах между русскими и казахами из-за плодородных земель в «десятиверстной полосе», отведенной российскими властями Сибирскому казачьему войску [32. С. 210].

До середины XIX в. главной направляющей силой в колонизации степей Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии оставалось государство, видевшее своей основной задачей не столько аграрное освоение региона, сколько охрану торговых маршрутов и защиту своих подданных. Последнее стало особенно актуальным после введения кибиточной подати – меры, на которую казахи ответили серией восстаний в 1830–1860-х гг. Колонизация «подвижной степной границы» стала возможной только после того, как удалось обеспечить военную безопасность территорий. После этого тысячи крестьян хлынули на окраины империи в поисках «земли и воли», но, как представляется, данный процесс логичнее описывать уже не в терминах теории

«фронтира», а с позиций более традиционной концепции «колонизации».

Негативным последствиям колонизации Южной Сибири и Северного Казахстана посвящена статья другого американского историка – Сеймура Бекера (Университет Нью-Джерси), представляющая собой, по сути, обзор западной историографии по данной теме. При этом С. Бекер почти не ссылается на документальные материалы (за исключением Полного собрания законов Российской империи), не использует материалы из работ дореволюционных и советских историков [33. С. 235–256]. Историк отметил, что, продвигаясь на юг и уходя все дальше от казачьих поселений, русские крестьяне практиковали «сухое земледелие», внедренное в регионе еще казаками, а также разводили крупный рогатый скот и лошадей. Изначально правительство не поддерживало крестьянские переселения из опасений, что это может оказать дестабилизирующий эффект на крестьянство Европейской России. Однако позиция правительства, поддержанная генерал-губернатором Степного края, не ослабила миграционного потока, при этом самовольные поселенцы брали у казахов землю в аренду.

По заключению С. Бекера, принципиальное изменение позиции правительства произошло в период между 1889 и 1896 гг., когда в переселениях стали видеть средство решения проблемы избыточного населения в метрополии. Законом, принятым в 1889 г., предполагалось наделение крестьян земельными участками, освобождение от уплаты налогов, а также давались беспроцентные ссуды, однако разрешение на переселение нужно было получить одновременно из Министерства иностранных дел и Министерства государственных имуществ, которые должны были удостовериться в действительной необходимости переселения и наличии свободной земли. Более половины крестьянских переселенцев продолжали уезжать без официального разрешения, надеясь избежать возможных ограничений и запретов. Тем временем власти постепенно уменьшали площади земель, отведенных казахам, для того чтобы увеличить земельный фонд, предназначенный для русских переселенцев. Учреждение в 1896 г. Переселенческого управления свидетельствовало о намерении правительства содействовать колонизационному процессу, решая при этом проблему перенаселения и крестьянского недовольства в Европейской России и одновременно усиливая российское присутствие в отдаленных пределах империи, в частности вдоль границ с Китаем.

Как справедливо заметил С. Бекер, необходимой предпосылкой крупномасштабных миграций является наличие удобной и доступной сети транспортных коммуникаций. Такая сеть возникла по мере строительства в 1892–1894 гг. западносибирского участка Транссибирской магистрали на отрезке между Уралом и Омском. Железная дорога позволила добираться до места назначения с наименьшими трудностями, а специальные тарифы для переселенцев сделали путешествие относительно недорогим. Взаимоотношения пришлого и коренного населения в регионе С. Бекер, подобно Д. Тредголду и Э. Доннелли, описывал в духе теории «фронтира», однако основной упор делал на негатив-

ные последствия русской колонизации для коренных жителей степи. По словам историка, в ходе расширения пахотных земель происходило сокращение пастбищных угодий и кочевий – процесс, продолжавшийся в течение многих десятилетий. С точки зрения С. Бекера, по своим последствиям данный процесс во многом напоминал взаимоотношения между белыми поселенцами и индейцами, жившими на равнинах Дикого Запада. В целом статья С. Бекера, опубликованная в конце 1980-х гг. в сборнике «Русская колониальная экспансия...» под редакцией М. Рывкина, вполне соответствовала традиционной для западной историографии концепции «русской восточной экспансии», сторонники которой уделяли особое внимание негативным сторонам данного процесса.

Об определяющей роли государства и его представителей в освоении Азиатской России писал С. Маркс, называющий «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронтира» и предпочитающий использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. [34]. Одну из своих статей С. Маркс посвятил деятельности ближайшего сотрудника С.Ю. Витте, статс-секретаря А.Н. Куломзина, который, по мнению историка, заложил фундамент развития Сибири в течение всего XX в. [34. Р. 35]. Его деятельность во главе КСЖД позволила осуществить массовые переселения людей, а в дальнейшем – перемещение промышленных предприятий в Сибирь. С другой стороны, политика А.Н. Куломзина способствовала дальнейшему захвату земель, принадлежавших коренному населению региона. С. Маркс назвал А.Н. Куломзина «одним из величайших колонизаторов в мировой истории». Если процессами колонизации США и Канады в разные периоды истории руководили сотни человек, то Куломзину приходилось выполнять свою миссию в одиночку, решая в самые сжатые сроки множество сложнейших задач одновременно. В то же время С. Маркс не склонен преувеличивать успехи капиталистического развития Сибири в дореволюционный период, что сближает его концепцию с выводами отечественной (в первую очередь советской) историографии, критиковавшей сторонников «модернизационной парадигмы»; по его мнению, регион оставался аграрно-сырьевым придатком, зависимым от промышленности Европейской России [21. С. 368].

В последние десятилетия в зарубежных исследованиях, посвященных аграрной истории Сибири, заметен постепенный отказ от поиска универсальных схем исторического процесса (например, в рамках «формационного» или «модернизационного» подходов) и поворот к более пристальному изучению этнокультурных аспектов колонизации, специфике «цивилизационного» развития и «империостроительства», особенностям развития окраин. В русле концепции «колонизации» следовали Н.Б. Брейфогел, А. Шрэдер, У. Сандерленд, которые, подобно С. Марксу, отмечали, что хотя западные исследователи европейской колонизации обычно забывают упомянуть о роли русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого Света [35]. Русским удалось заселить огромные пространства Северной Европы и Азии, от побережья Балтики до Тихого океана, от Арктики до Центральной

Азии. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

В. Кивелсон [36], А. Знаменский [37], Ч. Стайнвельд [38] подчеркивали ведущую и определяющую роль русского крестьянства в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока. При этом историки пришли к выводу, что в течение нескольких веков правительство мало интересовалось этнической и религиозной принадлежностью колонистов, отдавая предпочтение заботам об эффективном политическом и хозяйственном управлении приграничными территориями. Взаимоотношения пришлого и коренного населения на местах складывались неоднозначно: несмотря на официальное требование гуманного обращения с сибирскими инородцами, местные власти, казаки и крестьяне часто прибегали к насилию в отношении аборигенов. С другой стороны, происходило достаточно быстрое смешение пришлого и коренного населения, объединяемого экономическими и брачно-семейными связями; вопросы национальной принадлежности начали играть заметную роль лишь в конце XIX в.

В ряде работ исследовался вклад в аграрное освоение Сибири отдельных этнических групп переселенцев, в частности украинцев, белорусов, немцев. Так, И. Стебельски [39, 40] и А. Каппелер [41] изучали культурные и этнические особенности слоя переселенцев – выходцев из малороссийских губерний. А. Каппелер пришел к выводу, что, несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности.

В свою очередь современный немецкий историк В. Бруль (выходец из России, чья монография «Немцы в Сибири» была переведена на немецкий язык и стала фактом западной историографии) отметил успехи немецких колонистов, которые, несмотря на различные препятствия, чинимые русскими властями, продемонстрировали в Сибири куда большие успехи в своем культурном и экономическом развитии, нежели переселенцы – представители других национальностей [42. С. 530–531]. Впрочем, исследование В. Бруля подверглось критике за излишнюю эмоциональность и неточность ряда суждений. В частности, П.П. Вибе [43] отметил, что немцы селились не только в малопригодных для сельского хозяйства районах Кулундинской степи: крупные очаги немецкой колонизации возникли также в районе Омска и в Тарской тайге.

В целом зарубежные исследователи аграрной истории Сибири XIX – начала XX в. использовали теоретический инструментарий различных теорий и концепций (концепции «русской восточной экспансии», «фронтира», «колониационной», «модернизационной», «имперской» парадигм). Смена этих концепций отражала общие тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири. Если в начале XX в. для западных сибиреведов был характерен «объективистский подход», поиск универсальных схем исторического развития, то многие современные исследователи основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, этнокультурным аспектам колонизации, специфике развития имперских окраин. Как представляется, выводы, полученные западными сибиреведами, необходимо принимать во внимание и отечественным исследователям, активно применяющим элементы «модернизационного», «колониационного», «имперского» подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich : Gebr. Leemann, 1914. 124 s.
2. Seraphim H.-J. Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland. Jena : Fischer, 1923. 204 s.
3. Baikalov A. The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. 1932. Vol. 10, № 30. P. 557–571.
4. Baikalov A. Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review. 1933. Vol. 11, № 32. P. 328–340.
5. Lobanov-Rostovsky A. Russia in Asia. 2-nd ed. New York : Macmillan, 1951.
6. Ellison H.J. Peasant colonization of Siberia: a study of the growth of Russian rural society, with special emphasis on the years 1890 to 1918 : PhD thesis. London University, 1955.
7. Drew R.F. Siberia: an experiment in colonialism. A study of economic growth under Peter I : PhD thesis. Stanford University, Stanford (California), 1958.
8. Drew R.F. The emergence of an agricultural policy for Siberia in the seventeenth and eighteenth centuries // Agricultural History. Urbana, Illinois, 1959. Vol. 33, № 1. P. 29–39.
9. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. 1977. Vol. 67, № 1. P. 429–432.
10. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1957. 278 p.
11. Conolly V. Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. London : Oxford Univ. Press, 1967. 420 p.
12. Dibb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. New York ; London : Pall Mall Press, 1972. 289 p.
13. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. 224 p.
14. Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. 1972. Vol. 14, № 3. P. 442–449.
15. Anderson B. Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton : Princeton Univ. Press, 1980. 222 p.
16. Панкратова М.Г. Проблематика русской революции в американской русистике // Историческая наука и некоторые проблемы современности : статьи и обсуждения / под ред. М.Я. Гефтера. М. : Наука, 1969.
17. Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973 : сб. науч. трудов. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. Вып. 1. С. 162–168.
18. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири : сб. науч. тр. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1983. С. 100–108.
19. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. : сб. статей. Томск, 1980. С. 164–178.
20. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
21. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. 344 с.

22. *Anderson B.* Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton : Princeton Univ. Press, 1980. 222 p.
23. *Macey D.* The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906/1914 // *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Russia* / ed. by Roger Bartlett. London : MacMillan, 1990. P. 219–236.
24. *Moon D.* Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // *Historical Journal*. 1997. Vol. 40, № 4. P. 859–893.
25. *Judge E.H.* Peasant Resettlement and Social Control in Late Imperial Russia // *Modernization and Revolution. Dilemma of Progress in Late Imperial Russia* / ed. by E.H. Judge, J.Y. Simms, jr. New York : Columbia University Press, 1992. P. 75–93.
26. *Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.* : сб. статей / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1977.
27. *Channon J.* Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society* / ed. by R. Bartlett. Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1990. P. 66–85.
28. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // *История СССР*. 1968. № 1. С. 47–68.
29. *Громыко М.М.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // *Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.* : сб. статей / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1977. С. 23–30.
30. *Миненко Н.А.* Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // *Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.* : сб. статей; отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 104–125.
31. *Donnelly A.* The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. by M. Rywkin. London ; New York : Mansell Publishing Ltd., 1988. P. 189–207.
32. *Ерофеева И.В.* Крестьянские переселения в XIX в. // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. и др. *История Казахстана: народы и культуры* : учеб. пособие. Алматы, 2001.
33. *Becker S.* Russia's Central Asian Empire, 1885–1917. Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. London ; New York : Mansell Publishing Ltd., 1988. P. 235–256.
34. *Marks S.G.* Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. by S. Kotkin and D.A. Wolff. New York ; London, 1995. P. 23–39.
35. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. 296 p.
36. *Kivelson V.* Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. P. 21–40.
37. *Znamenski A.A.* The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. P. 106–127.
38. *Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London ; New York, 2007. P. 128–147.
39. *Stebelsky I.* Ukrainian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914 // *Soviet Geography*. 1984 (Nov.). Vol. 25, № 9. P. 681–694.
40. *Stebelsky I.* Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: The Process and Problems of Losses and Survival Rates // *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / ed. by Bohdan Krawchenko. London : Macmillan, 1993. P. 55–69.
41. *Kappeler A.* Hochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1997. Bd. 45, H. 1. P. 48–63.
42. *Bruhl V.* Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjaehrige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. Nuernberg ; Muenchen : Grossburgwedel, 2003. Band 1. 553 s.
43. *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск : Наука, 2007. 368 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2014 г.

PROBLEMS OF AGRARIAN HISTORY OF SIBERIA IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES IN THE ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 91–98. DOI: 10.17223/15617793/383/14

Ananyev Denis A. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denis.ananyev@gmail.com.

Keywords: historiography; Siberia; modernization; colonization; frontier.

In the English- and German-language historiography of social and economic development of Siberia peasant colonization and agricultural development of the region are considered among the most significant factors of Russia's presence in Asia. Special attention is paid to the 19th – early 20th centuries when there was a considerable increase in number of newcomers to Siberia. In the first half of the 20th century problems of peasant colonization of Siberia were studied by scholars who were descendants from Russia (W. Klumberg, H.-J. Seraphim, A. Baikalov, A. Lobanov-Rostovskiy). In the 1950s-1970s these issues were addressed by the British and American researchers who used mostly the theory of "modernization" (H. Ellison, R. Drew, D. Kazmer). In American historiography the most well-known work on the history of agricultural colonization of Siberia is D. Treadgold's monograph published in 1957 and devoted to the mass resettlement of peasants during the post-reform period. In his theoretical scheme D. Treadgold combined concepts of "modernization" and "colonization" with elements of the "frontier" theory formulated by J.F. Turner. In the late 20th century J. Channon, A. Donnelly and S. Becker focused on specifics of agrarian development of Siberia. J. Channon presented a study dealing with institutions of traditional society and "vestiges of feudalism and serfdom" in Siberia while many Western researchers used to praise success of modernization and capitalist development of the Siberian village in the 19th – 20th centuries. The American historian A. Donnelly applied theoretical tools of the "frontier" concept. His fellow countryman Stephen Marks wrote about the key role played by the Russian state and its representatives in colonization of Asian territories and considered any attempts to apply the "frontier" theory as futile. He prefers to use the more traditional "colonization" theory developed by the Russian historians in the 19th century. In the works by I. Stebelsky and A. Kappeler the role of certain ethnic groups of settlers in the course of colonization of Siberia was analyzed. On the whole foreign researchers of agrarian history of Siberia in the 19th – early 20th centuries used various theories and concepts ("Russian eastward expansion", "frontier", "colonization", "modernization", "imperial" approaches). Change in concepts reflected main trends in development of the English- and German-language historiography of Siberia. In the early 20th century works by Western historians were characterized by the "objectivist approach", search for the common patterns of historical development, while many contemporary researchers focus on the subject of historical process, ethnic and cultural aspects of colonization, as well as specifics of development of the Empire's peripheries.

REFERENCES

1. Klumberg W. *Die Kolonisation Rußlands in Sibirien*, Zürich 1914. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914.
2. Seraphim H.-J. *Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland*. Jena: Fischer, 1923.
3. Baikalo A. The Conquest and Colonization of Siberia. *The Slavonic and East European Review*, 1932, vol. 10, no. 30, pp. 557-571.
4. Baikalo A. Siberia since 1894. *The Slavonic and East European Review*, 1933, vol. 11, no. 32, pp. 328-340.
5. Lobanov-Rostovsky A. *Russia in Asia*. New York: Macmillan, 1951.
6. Ellison H.J. *Peasant colonization of Siberia: a study of the growth of Russian rural society, with special emphasis on the years 1890 to 1918*: PhD thesis. London University, 1955.
7. Drew R.F. *Siberia: an experiment in colonialism. A study of economic growth under Peter I*: PhD thesis. Stanford University, Stanford (California), 1958.
8. Drew R.F. The emergence of an agricultural policy for Siberia in the seventeenth and eighteenth centuries. *Agricultural History*, 1959, vol. 33, no. 1, pp. 29-39.
9. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II. *American Economic Review*, 1977, vol. 67, no. 1, pp. 429-432.
10. Treadgold D. *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957.
11. Conolly V. *Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia*. London: Oxford Univ. Press, 1967.
12. Dobb P. *Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects*. New York, London: Pall Mall Press, 1972.
13. Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965.
14. Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia. *Canadian Slavonic Papers*, 1972, vol. 14, no. 3, pp. 442-449.
15. Anderson B. *Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980.
16. Pankratova M.G. *Problematika russkoy revoliutsii v amerikanskoy rusistike* [Problems of the Russian revolution in American Russian Studies]. In: M.Ya. Gefter (ed.) *Istoricheskaya nauka i nekotoryye problemy sovremennosti: Statyi i obsuzhdeniya* [Historical science and some of the problems of modernity: articles and discussions]. Moscow: Nauka Publ., 1969.
17. Dubovskiy G.Ya. *Kritika burzhuaiznoy falsifikatsii istorii sibirskoy derevni kanuna Velikoy Oktyabrskoy revoliutsii* [Critique of bourgeois falsification of the history of Siberian village on the eve of the Great October Revolution]. In: *Bakhrushinskiye chteniya – 1973* [Bakhrushin Readings – 1973]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1973. Issue 1, pp. 162-168.
18. Goryshkin L.M., Sagaydachniy A.N. *Sovremennyye anglo-amerikanskiye burzhuaiznye istoriki o sotsialno-ekonomicheskom razvitiy Sibiri* [Modern Anglo-American bourgeois historians on the socio-economic development of Siberia]. In: *Revoliutsiya 1905-1907 gg. na Urale i v Sibiri* [Revolution of 1905-1907 in the Urals and Siberia]. Tumen: Tumen State University Publ., 1983, pp. 100-108.
19. Perederiy S.V. *K voprosu ob osveshchenii istorii Sibiri epokhi kapitalizma v sovremennoy anglo-amerikanskoy burzhuaiznoy istoriografii* [On the interpretation of the history of Siberia of the capitalism era in the modern Anglo-American bourgeois historiography]. In: *Rabochiye Sibiri v kontse XIX - nachale XX vv.* [Workers of Siberia in late 19th – early 20th centuries]. Tomsk, 1980, pp. 164-178.
20. Goryushkin L.M. *Sibirskoye krestyanstvo na rubezhe dvukh vekov (konyets XIX - nachalo XX v.)* [Siberian peasantry at the turn of the centuries (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1967.
21. Goryushkin L.M. *Agrarniye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900-1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the period of imperialism (1900-1917)]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1976.
22. Anderson B. *Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. 222 p.
23. Macey D. *The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914*. In: Bartlett R. (ed.) *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Reforms in Imperial and Early Soviet Russia*. London: MacMillan, 1990, pp. 219-236.
24. Moon D. Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897. *Historical Journal*, 1997, vol. 40, no. 4, pp. 859-893.
25. Judge E.H. *Peasant Resettlement and Social Control in Late Imperial Russia*. In: Judge E.H., Simms J.Y., jr. (eds.) *Modernization and Revolution. Dilemma of Progress in Late Imperial Russia*. New York: Columbia University Press, 1992, pp. 75-93.
26. Goryushkin L.M. (ed.). *Krestyanskaya obshchina v Sibiri XVII - nachala XX v.* [Peasant community in Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1977, pp. 23-30.
27. Channon J. *Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia*. In: Bartlett R. (ed.) *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Reforms in Imperial and Early Soviet Russia*. London: MacMillan, 1990, pp. 66-85.
28. Aleksandrov V.A., Pokrovskiy N.N. *Mirskiye organizatsii i administrativnaya vlast v Sibiri v XVII veke* [Secular organizations and administrative power in Siberia in the 17th century]. *Istoriya SSSR*, 1968, no. 1, pp. 47-68.
29. Gromyko M.M. *Territorialnaya krestyanskaya obshchina Sibiri (30-e gg. XVIII v. - 60-e gg. XIX vv.)* [Territorial peasant commune in Siberia (1730s–1860s)]. In: Goryushkin L.M. (ed.) *Krestyanskaya obshchina v Sibiri XVII - nachala XX v.* [Peasant commune in Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1977, pp. 23-30.
30. Minenko N.A. *Obshchina i russkaya krestyanskaya semya v yugo-zapadnoy Sibiri (XVIII - pervaya polovina XIX v.)* [Community and the Russian peasant family in southwestern Siberia (18th – first half of 19th centuries)]. In: Goryushkin L.M. (ed.) *Krestyanskaya obshchina v Sibiri XVII - nachala XX v.* [Peasant commune in Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch Publ., 1977, pp. 104-125.
31. Donnelly A. *The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850*. In: Rywkin M. (ed.) *Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York: Mansell Publishing Ltd., 1988, pp. 189-207.
32. Yerofeeva I.V. *Krestyanskiye pereseleniya v XIX v.* [Peasant resettlement in the 19th century]. In: Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Yerofeeva I.V. et al. *Istoriya Kazakhstana: narody i kultury* [History of Kazakhstan: peoples and cultures]. Almaty, 2001.
33. Becker S. *Russia's Central Asian Empire, 1885–1917*. In: Rywkin M. (ed.) *Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York: Mansell Publishing Ltd., 1988, pp. 235-256.
34. Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia*. In: Kotkin S., Wolff D.A. (eds.) *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York; London, 1995, pp. 23-39.

35. Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007. 296 p.
36. Kivelson V. *Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries*. In: Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007, pp. 21-40.
37. Znamenski A.A. *The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the "Rock People", 1791–1878*. In: Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007, pp. 106-127.
38. Steinwedel Ch. *Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917*. In: Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007, pp. 128-147.
39. Stebelsky I. Ukrainian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914. *Soviet Geography*, 1984, vol. 25, no. 9, pp. 681-694.
40. Stebelsky I. *Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: The Process and Problems of Losses and Survival Rates*. In: Krawchenko B. (ed.) *Ukrainian Past, Ukrainian Present*. London: Macmillan, 1993, pp. 55-69.
41. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 1997, vol. 45, issue 1, pp. 48-63.
42. Bruhl V. *Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjaehrige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung*. Nuernberg; Muenchen, Grossburgwedel, 2003. Vol. 1.
43. Vibe P.P. Nemetskiye koloniyi v Sibiri: sotsialno-ekonomicheskii aspekt [German colonies in Siberia: the socio-economic aspect]. Omsk: Nauka Publ., 2007. 368 p.

Received: April 15, 2014